

Список использованной литературы и источников

1. Баталов А. Н. Борьба большевиков за армию в Сибири. 1916 — февраль 1918 гг. / А. Н. Баталов. — Новосибирск : Наука Сиб. отд-ние, 1978. — 284 с.
2. Вегман В. Военнопленные империалистической войны / В. Вегман // Сибирская советская энциклопедия. — Новосибирск, 1929. — Т. 1. — С. 517.
3. Еремин И. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны / И. А. Еремин. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. — 277 с.
4. Расписание запасных частей и частей государственного ополчения, находящихся внутри империи по данным к 15 октября 1914 г. [Б. м., б. г.].
5. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2793. Ч. 2. Л. 77
6. Россия в мировой войне 1914–1918 гг.: (в цифрах). — М. : Центральное статистическое управление. Отдел военной статистики, 1925. — 104 с.
7. Шулдяков В. А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920 / В. А. Шулдяков. — Кн. 1. — М. : Центрполиграф, 2004. — 748 с.

Информация об авторе

Новиков Павел Александрович — доктор исторических наук, профессор, кафедра истории и философии, Иркутский государственный технический университет, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: novikov710@yandex.ru.

Author

Novikov Pavel Aleksandrovich — Doctor of Economics, Professor, Chair of History and Philosophy, Irkutsk State Technical University, 83, Lermontov st., Irkutsk, 664074, e-mail: novikov710@yandex.ru.

УДК 94(47)«1916/1917»
ББК 63.3(253)

В.М. РЫНКОВ

СИБИРСКИЙ ХЛЕБ ДЛЯ АРМИИ И СОЮЗНИКОВ: ЗАГОТОВКИ 1916–1917 гг.

Анализируется хлебозаготовительная кампания 1916/1917 г. в Сибири. Планы заготовок плохо коррелировались с реальной рыночной обстановкой, деятельность заготовителей входила в острое противоречие с интересами крестьянства, работники хлебозаготовительного аппарата связывали выполнение заданий с применением насильственных мер в отношении производителей продукции.

Ключевые слова: Сибирь, Первая мировая война, революция, хлебозаготовки, твердые цены.

V.M. RYNKOV

SIBERIAN GRAIN FOR THE ARMY AND ALLIES: GRAIN PROCUREMENT IN 1916–1917

Siberian grain procurement campaign of 1916/1917 is analyzed. The procurement plans were correlated badly with real market situation. Procurement officers' activity was contradictory to peasants' interest. Grain

procurement staff associated tasks fulfillment with use of force towards production manufacturers.

Keywords: Siberia, World War I, revolution, grain procurements, fixed prices.

В годы Первой мировой войны в Сибири возник мощный аппарат заготовок продовольствия для армии, серьезно повлиявший на характер производства и трансформировавший систему сбыта. Среди множества видов продовольственной продукции, поставляемой для армии из-за Урала, наибольшее значение имели три — хлеб, масло и мясо. Речь далее пойдет о первом из вышеперечисленных. Если о начальных опытах хлебозаготовок в Сибири неоднократно писали, то проблемы, связанные с организацией поставок зерновых на финальной стадии Первой мировой войны, накануне и в условиях начавшейся революции, практически не рассматривались в литературе. Продолжение хлебозаготовок оставалось за пределами пристального внимания исследователей, тогда как в его эпицентре оказалось полное драматизма, болезненных срывов и неудач снабжение хлебом городов в 1916–1917 гг. Но это забвение нельзя признать заслуженным. Именно в рамках последнего «добольшевистского» года проведения зерновых продуктов обозначились многие тенденции, которые получают развитие в последующей далекой перспективе. Поэтому данное исследование сконцентрировано на малоизвестной хлебной кампании 1916/1917 г.

Для начала необходимо вкратце осветить относительно известную канву событий. В первый заготовительный сезон правительство хотя и включило Сибирь в единую систему хлебозаготовок, но планировало обойтись минимальными поставками для фронта, сделав основной упор на создание достаточных запасов для местных воинских гарнизонов. Во второй год Сибири отвели более весомую роль. В третий на нее уже рассчитывали, как на одну из крупных тыловых житниц.

В каждой сибирской губернии или области в начале осени 1914 г. был назначен уполномоченный Министерства земледелия по заготовкам хлеба для армии. С осени 1915 г. параллельно с ними действовали уполномоченные по заготовкам Особого совещания по продовольствию. Контрагентами казны, которых насчитывались десятки в каждой губернии, выступали кооперативные и частные заготовительные организации и сельские общества. Абсолютное большинство поставок из Сибири пришлось на три административные единицы — Томскую и Тобольскую губернии и Акмолинскую область.

В первый заготовительный сезон после начала военных действий (осень 1914 — весна 1915 гг.), чрезвычайно урожайный, интенданство заготовило в Сибири 46 млн пудов зерна, но в целом вывоз различных заготовителей составил 80 млн пудов. Во второй, куда менее урожайный

заготовительный год (осень 1915 — весна 1916 гг.), количество вывезенного из Сибири разными организациями для армии и населения хлеба составило 53,3 млн пудов [10, с. 100]. В первые две заготовительные кампании устанавливались цены казенных закупок, которые обычно в источниках и литературе назывались твердыми ценами. Но частные заготовки для населения не ограничивались не количественно, ни в ценовом диапазоне. В связи с необходимостью конкурировать, государство считалось с уровнем рыночных цен. Правда, централизованный принцип формирования казенных заготовительных цен не позволял гибко реагировать на изменение хозяйственной конъюнктуры. Они устанавливались на весь сезон. Так, с 3 января 1916 г. действовали казенные цены на пшеницу в 1 р. 13 к. для Тобольской губернии, 1 р. 10 к. в Курганском районе, 1 р. 20 к. в Акмолинской обл., 1 р. 26 к. в Томской губ., примерно равнявшиеся биржевым [8, с. 380–381; 9, 19 февр.]. Зато субъекты вольного рынка имели возможность «играть» вокруг казенных цен, предлагая производителям цену то выше, то ниже контрагентов казны в зависимости от условий текущей конкуренции.

1916 г. являлся средним по урожайности в Сибири, но дело заготовок планировали вывести на новый уровень. Именно в этом году кооперация стала основным контрагентом казны, сеть заготовительных и сыпных пунктов густо покрыла хлебные районы Сибири. В заготовительную кампанию 1916 г. были введены твердые цены, которых обязали придерживаться оптовых покупателей хлеба не только для казны, но и для населения, в том числе и частников. Твердые цены оказались еще менее гибким инструментом, несмотря на попытку дифференцировать их применение по губерниям и областям.

Осенью 1916 г. стало заметно расхождение между твердыми ценами на хлеб и общим уровнем рыночных цен. Утвержденные Особым совещанием по продовольствию 9 сентября 1916 г. цены на пшеницу в 1 р. 52 к. для Западной Сибири оказались близки к биржевым везде, кроме Акмолинской обл., где твердые цены на 17 % превышали рыночные [8, с. 393]. Но на протяжении осени биржевые цены интенсивно возрастали. Кроме того, в конце 1916 — начале 1917 гг. недостаток денежной наличности повлек серьезные перебои в авансировании заготовителей на местах. В этот период из Сибири постоянно сообщали о неизбежном прекращении заготовок, несмотря на значительный подвоз хлеба. Получаемых денег не хватало даже для того, чтобы полностью расплатиться с поставщиками, уже засыпавшими хлеб казне «в долг». Как телеграфировали в Петербург 25 февраля 1917 г. уполномоченные по закупкам в Томской губернии В.Н. Дудинский и И.И. Авчинников, не предоставление очередной суммы денег на закупки не только срывало приобретение нескольких сот тыс. пудов хлеба, но и сильно подорвало доверие крестьян к заготовительным организациям [3, д. 37, л. 153].

Урожай 1916 г. в хлебородных уездах юга Томской губернии оказался невысоким, и товарного избытка хлебов не ожидалось. Применительно к Сибири два фактора действовали в одном направлении. Сокращение товарного хлеба в связи с невысоким урожаем и исчерпанием запасов предыдущих лет усугублялось нежеланием производителей отдавать его по низким ценам. Это не уничтожило конкуренцию между заготовителями, а напротив, усилило ее.

27 сентября 1916 г. уполномоченный по заготовкам хлеба Томской губернии И.И. Авчинников устроил совещание по проблемам работы в текущем сезоне. На нем возможный объем заготовок определили в полтора миллиона пудов и только при условии установления монополии на закупку хлеба через кооперативы. На хлебном рынке Сибири к этому времени сложилось серьезное противостояние интересов. Кооперативные союзы, выступавшие основным контрагентом казны, испытывали серьезные сложности в связи с недостатком оборотных средств. Успешнее работали частные заготовители и продовольственные организации городов. Но этот успех был связан с тем, что они обходили твердые цены и платили сразу наличными. Показательны результаты работы Алтайского союза кредитных кооперативов. Вместо запланированных полутора млн пудов, он смог заготовить только 200 тыс. пудов. Сказались два фактора. Во-первых, на Алтае работали еще 16 мукомольных фирм, охотно дававших производителям выше твердых цен. Во-вторых, твердые цены казались крестьянам низкими, и они старались в принципе придержать хлеб в хозяйствах.

Неудачи кредитной кооперации породили настойчивые требования с их стороны установить монополию на закупку хлеба. По логике кооператоров, при нынешнем урожае и недостатке рабочих рук излишками хлеба располагали только кулаки-богатеи, и дискриминация частных внеплановых закупок должна стать частью борьбы против спекулятивной игры кулака на повышение цен. [12, 14 янв.]. Сотрудники государственного заготовительного аппарата поддерживали требования кооперация о предоставлении ей исключительного права вести закупку хлеба для казны у производителей [1, с. 22]. Аналогичная ситуация наблюдалась в Акмолинской обл., где мукомолы тоже часто нарушали твердые цены. Хотя в целом уполномоченные по заготовкам и контрагенты казны полагали, что твердые цены крайне невыгодны именно для Степного края, так как государство переплачивало против рыночных цен [5, л. 147].

15 ноября и 6 декабря 1916 г. И.И. Авчинников провел еще два совещания по заготовкам хлеба. Совещание одобрило и отправило в Министерство земледелия на утверждение проект новых повышенных заготовительных цен на хлеб. По ним высший сорт пшеницы предполагалось покупать по 3 р. 30 к. Для выполнения плана заготовок решили временно воспретить закупки хлеба продовольственными организациями сибир-

ских городов, в том числе и восточносибирских, традиционно покупавших зерно в Томской губернии. Более того, на съезде признали целесообразным принять к руководству сокращенные потребительские и семенные нормы, а все вновь образовавшиеся за счет этой сугубо арифметической операции излишки подвергнуть реквизиции по твердым ценам. На втором из упомянутых заседаний участники единогласно пришли к решению о предоставлении права заготовок хлеба и его распределения среди населения исключительно кредитным кооперативам и устранении от этой работы всех частных посредников [12, 17 нояб., 21 дек.].

В такой непростой ситуации правительство совершенно неожиданно пошло на увеличение задания по закупкам хлеба, выполнение которого и так находилось под большим вопросом. Причина таких неожиданных перемен — долг перед союзниками. Россия с 1915 г. поставляла зерно Франции и Великобритании. В 1915 г., в частности, из Сибири на Архангельск было вывезено 5,8 млн пудов [7, с. 101].

3 января 1917 г. Особое междуведомственное совещание в Петрограде признало возможным выделить в текущем сезоне союзникам (Великобритании, Франции и Италии) до 50 млн пудов хлеба. В последующие недели, взвесив транспортную ситуацию, Министерство земледелия уточнило, что к 1 июля сможет доставить к Белому морю 15 млн пудов пшеницы [7, с. 114]. В январе 1917 г. по заданию Совета Министров Министерство земледелия распределило по регионам требовавшееся количество, причем из Сибири предполагалось дополнительно получить 10 млн пудов пшеницы. Этот объем разверстали на две административных единицы — 7 млн пудов следовало заготовить в Акмолинской области и 3 млн пудов — в Тобольской губернии. Указанное количество подлежало доставке железнодорожным путем до Котласа и далее морем в Европу. Для этого по договоренности с МПС в марте-апреле 1917 г. должны были подать дополнительно 35 ежедневных вагонов, а в мае-августе — 70 вагонов [5, л. 1–2, 20]. Причем заготовки для союзников являлись сверхплановыми и не должны были привести к сокращению поставок для армии.

Но для сверхплановых заготовок момент был выбран крайне неудачный. В Акмолинской области после массовых призывов крестьян, гужевой подвоз хлеба их «хлебных» волостей, как правило, находившихся глубоко в степи, к железнодорожным станциям осуществляли не подлежавшие мобилизации киргизы, которых было занято на гужевых работах 16 тыс. чел. В конце 1916 г. они все были призваны на тыловые работы в рамках кампании по так называемой «реквизиции инородцев». Поначалу служащие заготовительного аппарата пытались отстоять бронь от реквизиции киргиз, ссылаясь на их занятость в работе по продовольственному снабжению армии, но когда сделать это не удалось, уполномоченный по Акмолинской обл. А.В. Цеклинский сообщил в Петроград о невозможности обеспечить необходимый темп хлебозаготовок.

29 января губернатор Тобольской губернии, он же уполномоченный по заготовкам Н.А. Танаевский, сообщал, что пшеница урожая 1916 г., превышающая внутреннюю потребность губернии, составляла всего 6 млн пудов. Из них планами декабря-февраля было назначено к вывозу для армии 5 720 тыс. пудов, а для снабжения Урала в этот же период — 500 тыс. пудов. Причем Урал снабжался с большим опозданием, и в январе выполнялся ноябрьский план поставок. Губернатор предупреждал, что поставка пшеницы в Котлас возможна только путем сокращения плана снабжения населения внутренних районов России [5, л. 4–6].

Количество хлеба, находившегося в распоряжении сибирских уполномоченных ко времени завершения основных операций (20 февраля 1917 г.) реконструируются по архивным данным (табл.) [3, д. 931, л. 181, 193, 169].

Количество хлебных запасов, тыс. пудов

Зерновая культура	Акмолинская	Тобольская	Томская	Всего
Овес	1 243	2 117	863	4 223
Ячмень	19	—	—	19
Рожь и ржаная мука	5	350	1 017	1 372
Пшеница и пшеничная мука	7 388	2 790	2 190	12 368
<i>Всего</i>	8 655	5 257	4 070	17 982

Более поздних данных, отражавших окончательные итоги работы уполномоченных по закупке хлеба, выявить не удалось. Заготовительный сезон продолжался до 31 июля 1917 г. Но известно, что в Сибири с конца февраля заготовки начинали стремительно сокращаться и почти сходили на нет в апреле в связи с распутицей и бездорожьем. С середины мая подвоз хлеба, как правило, возобновлялся. Но в 1917 г. этого не произошло в связи с революционными событиями. Следовательно, источники позволяют представить хотя и не полные и точные, но все же основные итоги работы заготовительного аппарата.

Тогда, в конце зимы, уполномоченные еще не предполагали грядущего свертывания заготовок, но и текущую ситуацию оценивали как весьма тревожную. Томский, Акмолинский и Тобольский уполномоченные известили о своем отказе в ближайшие месяцы от погрузки пшеницы «особого назначения». Не имея возможности начать поставку в зимние месяцы из-за отсутствия свободных запасов уже заготовленного хлеба, весной они не могли сделать это из-за приближавшейся распутицы, потом по причине начала ярового сева. На весь этот период хлеба в Сибири едва хватало для выполнения текущих нарядов. Поэтому из Омска просили отменить подачу вагонов на Котлас [5, л. 23–25]. Не добившись ожидаемого решения, к отправке хлеба из Сибири все же приступили, но до середины мая удалось отправить пшеницу только из Омска и лишь 300 тыс. пудов [5, л. 46].

Настойчивые требования Центра о поставке хлеба за границу подтолкнули А.В. Цеклинского к поиску новых возможностей. Для их активизации, по его мнению, Центр должен создать условия. Чтобы заставить крестьян расстаться со страховыми запасами хлеба, писал он, необходимо дать уверенность крестьянину в завтрашнем дне, убедить их в грядущем расширении производства. Учитывая катастрофический недостаток рабочих рук, следует направить в деревни одной только Акмолинской области не менее 10 тыс. военнопленных на полевые работы и распустить на полевые работы дружинников и нестроевых, кроме того, закупить в Манчжурии хлеб для Восточной Сибири, чтобы избежать поставок туда западносибирского хлеба. Только при этих условиях удастся убедить сельские общества открыть хлебозапасные магазины для продажи пшеницы. Наконец, А.В. Целкинский предупреждал, что после «реквизиции инородцев» для вывоза пшеницы из степных районов потребуется не менее 200 грузовиков [5, л. 28–30]. Созванное А.В. Цеклинским 6–7 февраля 1917 г. совещание по организации заготовок хлеба для армии пришло к выводу, что при полном напряжении сил к концу июля можно приобрести 5,3 млн пудов хлеба. Вместе с уже заготовленными к 5 февраля 1917 г. 7,4 млн пудов составит максимально возможное количество хлеба, которое можно получить без применения принудительных мер в отношении производителей. Но такие планы будут реализованы лишь при условии запрета закупок зерновых продуктов в области иначе, кроме как по заданию казенных заготовителей. Но речь на совещании шла об определении перспектив закупок в целом. Из этого количества необходимо было уделить на снабжение населения заводского населения Урала и для армии. Свободного зерна для поставок союзникам до конца сезона предполагали выкроить не более 300 тыс. пудов [5, л. 147, 152].

Иначе реагировал на настойчивые просьбы министерства председатель Тобольского губернского продовольственного комитета. Именно пришедший на смену тобольским властям в марте 1917 г. революционный продовольственный орган проявил склонность к принятию радикальных решений, чего не наблюдалось в других сибирских регионах. Его председатель Н.И. Грибанов 18 марта телеграфировал в столицу, что поставить хлеб до нового урожая сможет, если комитету позволят объявить реквизицию у населения [5, л. 35]. Впрочем, подобные предложения с мест в этот период вполне совпадали с импульсами из Центра. В марте по губерниям Европейской части России прокатились санкционированные сверху реквизиции хлеба у крупных хлебопроизводителей. На фоне других Тобольская губерния выделялась. Здесь производились даже по общероссийским меркам весьма масштабные реквизиции. Ей подверглись все владельцы посевов, превышавших 50 дес., а также все частные хлеботорговцы. Количество реквизируемой пшеницы составило 1 095 тыс. пудов, овса — 23 тыс. пудов, ржи — 86 тыс. пудов, муки — 24 тыс. пудов

[2, д. 168, л. 17]. В апреле 1917 г. Н.И. Грибанов телеграфировал в Министерство земледелия, что по решению губернского продовольственного комитета приступили к реквизициям хлеба у владельцев посевов свыше 15 десятин и в ближайшем времени планируют распространить ее на всех посевщиков без исключения [2, д. 172, л. 131].

В других местностях Сибири к идее насильственного изъятия хлеба у производителей отнеслись прохладно и фактически саботировали предложения Центра. Хотя еще в декабре 1916 г. пресса сообщала, что А.В. Цеклинский распорядился начать опись всего наличного хлеба у производителей (землевладельцев и крестьян) Акмолинской области с привлечением полиции, сельской и волостной администрации, но сам он даже в феврале 1917 г. сообщал в Министерство земледелия, что ввиду сложности коммуникаций никаких реквизиций не проводилось и не может быть произведено до окончания распутицы и установления летних дорог [9, 4 дек.]. В Томской губернии реквизиции у крестьян и крупных арендаторов тоже не проводили.

Между тем, все это грозило срывом поставок хлеба союзникам, обеспокоенным медлительностью выполнения своего заказа. Узким местом российской экономики они считали железные дороги. В марте 1917 г. британская фирма «Лидс» предложила свое содействие в вывозе хлеба. Она готова была доставить в устье Оби морские суда, достаточные для транспортировки 1,2 млн пудов пшеницы [5, л. 16]. Но руководители сибирского заготовительного аппарата категорически отказались иметь дело с водной экспедицией как слишком ненадежным способом переправки хлеба [5, л. 40–41, 44]. Между тем, в апреле-мае хлеб в Котлас из Тобольской губернии все же отправлялся, но в количестве примерно соответствовавшем половинной норме. И это при том, что ни одна из мер, проведения которых запрашивали сибирские уполномоченные для успешного проведения дополнительных заготовок, не была реализована. Летом 1917 г. поставки хлеба на Котлас прекратились [5, л. 124].

Вопрос о грузовиках, с которыми акмолинские власти связывали успех поставок хлеба, в свою очередь, тоже, казалось бы, сдвинулся с места. Министерство земледелия договорилось в апреле 1917 г. с фирмой Рено первоначально о поставке 100 грузовиков для Сибири. Расходы на покупку покрывались кредитом, отпускаемым французским правительством военному министерству России. В мае Франция, правда, утвердила поставку только 84 грузовиков [5, л. 59–60, 69]. К решению вопроса был даже подключен А.Ф. Керенский, на которого, как на военного министра ложилась организация приемки автомобилей о Франции и доставки в Россию морем [5, л. 97]. Но когда в конце мая 1917 г. из Омска телеграфировали в Петроград, что имеют дополнительный хлеб в степных районах, и его поставка союзникам задерживается лишь отсутствием автомобилей для доставки к железным дорогам, полученный ответ мог

вызвать только отчаяние. Из Петрограда сообщили, что из-за нестыковки в действиях петроградских и парижских агентов военного министерства, 100 грузовиков Рено, полученных своевременно из-за границы, отправлены в действующую армию [5, л. 105, 108]. Военный министр обещал исправить оплошность, выделив сто армейских грузовиков в Акмолинскую область. Действительно, в середине июля в Омск прибыли автомобили и воинские команды по их обслуживанию. Но отсутствие бензина не позволило приступить к их эксплуатации [5, л. 137, 140, 143–143 об.].

Таким образом, к концу заготовительного сезона 1916/1917 г. удалось вывезти из Сибири лишь половину обещанного союзникам хлеба. До октября 1917 г. во Францию попало только 1311 тыс. пудов пшеницы, включая не только сибирскую, но и привезенную в Архангельск из Европейской части, т.е. небольшая часть того, то доставлено к Белому морю [6, с. 79].

В середине сентября 1917 г. возникла возможность определить емкость заготовительного рынка после урожая. Хороший урожай создавал предпосылки для успешных заготовок. По полученным данным, имелась возможность заготовить в Западной Сибири от 72 до 100 млн пудов хлеба. Но инспекция Министерства продовольствия пришла к неутешительным выводам. Заготовительный аппарат, оставшийся к осени 1917 г. оценивался, как очень слабый и неспособный произвести необходимые заготовки. Даже для получения минимального количества зерна следовало опираться на «солидные частные торговые фирмы» [3, л. 1–10б].

Хлеб урожая 1917 г. должен был заготавливаться по новым твердым ценам, установленным в марте. Причем, сибирские крестьяне выручали существенно меньше, чем российские. Так, за 1 пуд ржи в центральном черноземном районе заготовители могли платить от 2 р. 53 к. до 2 р. 43 к., за 1 пуд ржи, и от 3 р. 20 к. до 3 р. 12 к. за 1 пуд пшеницы. В Сибири же производители получали 2 р. 05 к. за пуд ржи и 2 р. 55 к. за 1 пуд пшеницы [11, с. 17–18; 8, с. 400–405]. И это при том, что рыночные цены на большинство потребительских товаров, которые, как правило, поступали в Сибирь из Центра, повышались быстрее. Однако падение курса рубля слишком ощутимо повлияло на общий уровень цен. К началу заготовительного сезона 27 августа 1917 г. пришлось пойти на двукратное повышение твердых цен, установленных постановлением Временного правительства от 25 марта 1917 г. Но и это не могло спасти ситуацию. Даже к началу следующего заготовительного сезона твердая цена оставалась на 25–50 % выше рыночной.

В ходе трудной и малорезультативной кампании 1916/1917 г. вектор поиска путей наращивания объемов заготовленного государством хлеба лежал в направлении дальнейшей монополизации рынка и создания условий, вынуждавших крестьян к реализации продукции по искусственно заниженной цене. Но на завершающей стадии заготовок самим организаторам пришлось признать — улучшение создавшегося катастрофиче-

ского положения возможно только через возрождение недавно сознательно удушаемого частного торгового аппарата, а, следовательно, и через возвращение к вольным ценам.

Список использованной литературы и источников

1. Алтайский крестьянин (Барнаул). — 1916. — № 48–49.
2. ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 1.
3. ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 6. Д. 144.
4. ГАРФ. Ф. 3809. Оп. 1. Д. 37.
5. ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 46.
6. Иоффе А. Е. Хлебные поставки во Францию в 1916–1917 гг. / А. Е. Иоффе // Исторические записки: сб. статей. — 1949. — Т. 29. — С. 65–79.
7. Китанина Т. М. Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 гг.) / Т. М. Китанина. — Л. : Наука, 1985. — 384 с.
8. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции / Н. Д. Кондратьев. — М. : Наука, 1991. — 487 с.
9. Омский телеграф (Омск). — 1917.
10. Рынков В. М. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. / В. М. Рынков, В. А. Ильных. — Новосибирск : Сибирское кн. изд-во, 2013. — 244 с.
11. Сельскохозяйственная жизнь (Омск) — 1917. № 7-8.
12. Сибирская жизнь (Томск). — 1917.

Информация об авторе

Рынков Вадим Маркович — старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, доцент, Новосибирский государственный университет, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: vadvet@mail.ru.

Author

Rynkov Vadim Markovitch — Senior Researcher, Institute of History SB RAS, Associate Professor, Novosibirsk State University, 8, Nikolaeva st., Novosibirsk, 630090, e-mail: vadvet@mail.ru.

УДК 94(100)«1914/18»
ББК 63/3(0)532

А.В. ШАЛАК

ИРКУТСКОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (на материалах Иркутского историко-экономического ежегодника)

В статье анализируются публикации по истории Первой мировой войны, опубликованные в Иркутском историко-экономическом ежегоднике. Отмечается роль региональных исследований, имеющих отношения к данной теме. Тематическая направленность материалов освящает деятельность органов государственной власти, условия жизни отдельных слоев населения, тенденции в области хозяйственной жизни, судьбы отдельных людей. Разнообразные данные позволяют в общих чертах представить ту социальную ткань, которая составляет основу отечественной